

УДК 81-114.2

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ РЕЧИ

© 2013 г.

Н.Н. Лаврова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

slavc@mail.ru

Поступила в редакцию 25.01.2013

Рассматриваются разные способы создания выразительности физико-математических текстов и текстов по лингвистике, философии. Активное использование экспрессивных синтаксических конструкций и оценочной лексики объясняется субъективной модальностью лингво-философских текстов.

Ключевые слова: выразительность речи, научный жанр, субъективная модальность.

Среди главных коммуникативных качеств письменной речи обычно выделяются правильность, точность, логичность, уместность. Несколько дискуссионным остается вопрос об универсальности такого качества книжной речи, как выразительность.

Б.Н. Головин, автор первой в нашей стране учебной вузовской программы по культуре речи, а также учебных пособий «Основы теории речевой культуры» [1] и «Основы культуры речи» [2], отмечал, что *выразительность речи* – это «такие особенности её структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя» [2, с. 186]. Проф. Головин доказывал, что выразительность речи создаётся не только тропами и стилистическими фигурами, но и единицами языка всех его уровней (от фонетического до синтаксического), причём каждый функциональный стиль располагает своими средствами создания указанного качества речи. Из этого следует, что выразительность свойственна научному стилю.

Существует другая точка зрения, в соответствии с которой понятие «выразительность» сближается с понятиями «субъективная модальность», «эмоциональная экспрессия», а «субъективность, эмоциональная экспрессия» – это «преимущественно отрицательные функциональные показатели в отношении к норме научного стиля речи» [3, с. 22]. Вот почему в энциклопедии «Русский язык» констатируется: «Эмоциональные моменты, реминисценции, экскурсы в историю науки находят выражение в Н.с. [научном стиле. – Н.Л.] в виде отдельных вкраплений» [4, с. 155].

Есть и третья точка зрения. Так, О.А. Крылова в своём учебном пособии «Лингвистическая стилистика» пишет: «Научному функциональному стилю языка, стремящемуся к объективности и точности, в принципе не свойствен-

на эмоционально-экспрессивная окрашенность языковых средств» [5, с. 145]. Но при этом, обратившись к конкретным авторским текстам, делает вывод: «Таким образом, об эмоционально-экспрессивных средствах можно говорить только применительно к некоторым стилям **научной речи**, к конкретным речевым произведениям; что же касается научного функционального стиля **языка**, его норм, системы языковых средств этого стиля, то им эмоционально-экспрессивная окраска не свойственна» [5, с. 147].

В связи с этой, третьей позицией, которая выглядит компромиссной по отношению к предыдущим, необходимо отметить следующее. Прежде всего, не следует противопоставлять язык и речь: то, что есть в речи, может рано или поздно стать фактом языка (например, еще недавно слово *бренд* имело лишь одно лексическое значение – «торговая марка» – и высказывания типа *Наш университет – это бренд Нижнего Новгорода* воспринимались как ошибочные, однако в новейших словарях зафиксировано второе значение: *бренд* – «достопримечательность»). Соответственно, нет оснований воздвигать барьер между стилями языка и стилями речи. Кроме того, неправомерно отождествлять «экспрессивность» как «выразительность» речи (в том значении термина *выразительность*, которое было дано в работах Б.Н. Головина) с «эмоционально-экспрессивной окраской языковых средств». «Экспрессивность» далеко не всегда предполагает «эмоциональность», которая может быть (но может и не быть) одной из составляющих рассматриваемого нами качества. Например, выразительны предложения-высказывания в следующем фрагменте монографии «Русский язык конца XX столетия»: *В современной речи натиск на глаголы предлога о чрезвычайно усилился. В первую очередь предлог о захватывает глаголы,*

обозначающие речевые акты <...> О силе данного процесса свидетельствуют случаи, когда сочетание о том + союз вторгается на каноническую территорию именительного надежа. [6, с. 258]. Автор приведенного фрагмента употребляет слова *натиск* ('настойчивое движение войск, скопления людей на что-н.; сильный напор'), *захватывает* ('распространяется на что-н; силой овладевает чем-н.'), *вторгается* ('входит силой') так, что предлог *о* предстает в образе агрессора, т. е. происходит олицетворение этого служебного слова. Выразительность высказываний несомненна, и создается она благодаря метафоризации и оценочности. Что же касается эмоциональности, то автор вполне объективно, без сожаления или горечи признаёт: активизация конструкций с предлогом *о* – это «живой процесс; буквально на наших глазах острота ошибки стирается, формируются единицы с новым управлением [6, с. 260]; это одно из проявлений «внутренних тенденций развития языковой системы» [6, с. 300].

Очевидно, что выразительность речи в той или иной степени связана с категорией модальности текста, с субъективностью автора. И эта субъективность неизбежна, поскольку каждый исследователь, открывая нечто новое, стремится утвердить истинность своей научной позиции. Доказательная база у представителей точных и гуманитарных наук неодинакова, поэтому авторы соответствующих научных текстов по-разному поддерживают внимание читателей. Физик или математик оперирует формулами и, обращаясь к читателю, предлагает ему принять участие в исследовании – следить за ходом рассуждения, оценить достоверность вывода, к которому приходит автор статьи или монографии. Поэтому в соответствующем научном тексте много определённо-личных предложений, создающих иллюзию диалога автора с читателем, например: *Используя гейзенберговское представление и гамильтониан (1), запишем уравнение движения <...> Будем далее считать, что взаимодействие в гамильтониане (1) адиабатически включается в момент времени <...> Исследуем на основе уравнения (3) процесс фононного трения полярона* (из статьи по физике твёрдого тела // Вестник ННГУ. 2010. № 3. Ч. 1, с. 45); или: *Зададим целевую функцию следующим образом <...> Систему уравнений и ограничений запишем в виде <...>* (из статьи по математическому моделированию // Там же, с. 169). Определенно-личные предложения привносят элемент разговорности в сугубо научный текст и вместе с тем привлекают адресата речи самой логикой рассуждения.

Выразительность философских, филологических текстов тоже может базироваться (и ба-

зируется) на использовании определённо-личных предложений. Но это далеко не единственный способ облечь трудный для восприятия читателя материал в доступную форму. В указанных текстах вполне уместными оказываются некоторые конструкции экспрессивного синтаксиса. Наиболее часто наблюдается вопросно-ответное построение речи, используемое как приём, с помощью которого можно облегчить читателю восприятие сложных проблем, а также риторический вопрос, например: [Диалектика] *есть логическая конструкция категориального эйдоса как бытия, основанного на самом себе и от себя самого зависящего. Действительно, есть ли что-нибудь помимо эйдоса? Ведь эйдос же и есть лик предмета, явленная сущность его <...> Пусть я хочу привести в известную закономерность неясную груду наблюдаемых мною фактов. На чём я буду основывать своё обобщение, свой логос в данном случае? Разумеется, на наблюдении фактов. Наблюдая сплетения фактов, я их обобщаю и свожу к логической (например, математической) формуле. Но самый-то эйдос вещи на чём основывается? Конечно, только на самом себе.* [7, с. 71]. В процитированном отрывке из фундаментального труда А.Ф. Лосева «Античный космос и современная наука», как и в других философско-филологических работах ученого, проявляется личностное начало (авторское я).

Вопросно-ответное построение монологической речи – довольно часто наблюдаемое в лингвистических текстах явление, особенно если монография имеет полемический характер. В этом плане типична книга В.А. Звегинцева «Предложение и его отношение к языку и речи», в которой нами зафиксировано более 20 фрагментов с такими конструкциями экспрессивного синтаксиса: *Но правомерно ли идти по этому новому пути, не апробированному традицией? А главное, не выведут ли нас эти нехоженые дороги за пределы лингвистики? Ответ на эти вопросы, видимо, можно найти в знаменитых словах В. Гумбольдта [8, с. 39]; Почему же это происходит? Это происходит потому, что при сегментировании предложения ... [8, с. 190]; Но рассмотрим какое-либо из этих предложений, например <...>. Разве оно бессмысленно? Вроде как нет.* [8, с. 195].

Выразительность научной речи создается цепочками вопросительных предложений. Например, в монографии Г.А. Золотовой читаем: *Можно ли говорить о слове как синтаксической единице, если известно, что <...>? На какой ступени обобщения проявляет свои синтаксические возможности форма слова? Представляет ли форма единицу, характеризующую*

ся единой синтаксической функцией? [9, с. 39]. Ср. с типичным для стиля М.М. Бахтина фрагментом из работы «Марксизм и философия языка»: *Что же является предметом философии языка? Где нам его найти? Какова его конкретная материальная данность? Как методически подойти к ней? ...Мы говорили о философии языка, о философии слова. Но что такое язык? Что такое слово?* [10, с. 41].

В обследованных текстах зафиксированы конструкции с синтаксическим параллелизмом и анафорой, например: *Можно сказать, что без слова и имени нет вообще разумного бытия, разумного проявления бытия, разумной встречи с бытием <...> Слово — могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь* [7, с. 627]. Конструкции с именительным представлением или темы, парцелляция и подхват как приемы создания экспрессивности на синтаксическом уровне зафиксированы не были (вероятнее всего, вследствие их малочастотности). Зато лингвисты не могут обойтись без оценочной лексики, причём степень её экспрессивности в первую очередь обуславливает своеобразие индивидуального стиля.

Если считать, что «стиль — это человек», то одним из самых ироничных лингвистов последних десятилетий прошлого века следует признать проф. В.А. Звегинцева, монография которого насыщена такими высказываниями: *Мы не обладаем бесспорным специально лингвистическим определением языка <...> Это озорчивое* [здесь и далее подчеркнуто автором статьи. — Н.Л.] *обстоятельство отнюдь не уникально и разделяется также рядом других вполне почтенных наук* [8, с. 7]; *Мы вступаем в туманную область значения, в которую углублялось много смелых исследователей — некоторые из них так и потерялись в ней, а те, кто возвращался, обычно не приносили с собой верной добычи* [8, с. 80].

В.А. Звегинцев пишет о научном явлении, прибегая к художественному приёму — к метафоре и её разновидности — олицетворению: *<...> значение вышло победителем в этой упорной борьбе, и из Золушки, обретавшейся где-то на самых дальних задворках науки о языке, оно превратилось во владетельную принцессу, которой ныне в меру своих сил приносят знаки своего почтения, по сути дела, все современные лингвисты* [8, с. 60]. *<...> словосочетания <...> исследовались в пределах лишь знакового (второго) этажа. А нам теперь предстоит заняться первым этажом, который довольно барственно целиком занимается предложением* [8, с. 129].

В той же монографии встречаются метафорические эпитеты: *Н. Хомский стремится мобилизовать все активные силы, чтобы пробить каменную стену бездушного, унылого, плоского, ограниченного и самовлюблённого таксономического описательства, задавившего лингвистику последних десятилетий* [8, с. 28]. Наконец, наибольшая выразительность научной речи достигается тогда, когда оценочная лексика используется в конструкциях экспрессивного синтаксиса, в частности — в цепочке вопросительных предложений: *Новая академическая грамматика также имеет дело лишь с идеализированными грамматически правильными предложениями <...> Что же относится к числу респектабельных избранников, имеющих доступ к синтаксическим Елисейским полям? В чём истоки этого грамматического геноцида?* [8, с. 163–164].

Как отмечалось выше, монография В.А. Звегинцева, посвящённая проблемам синтаксиса, имеет остро полемичный характер, и экспрессивность речи автора явно связана с повышенной эмоциональностью. Однако эмоциональность не является обязательной составляющей выразительности. Так, часто вступал в дискуссию со своими коллегами и Б.Н. Головин, много внимания уделявший тем же проблемам, которые интересовали В.А. Звегинцева. Б.Н. Головин, как и В.А. Звегинцев, видел существенные недостатки «порождающей грамматики», критиковал поиск «глубинных структур», но писал об этом без излишних эмоций: *В современных условиях взрывоопасного интереса к проблемам языковой семантики может быть незаметно утрачена необходимая учёному осторожность в обращении с предметом своего наблюдения и анализа, и учёный может начать ничем не оправдываемый набег на не принадлежащие ему земли* [11, с. 9].

Оценочная лексика оживляет непростые для восприятия и понимания тексты лингвиста-философа А.Ф. Лосева, например: *Тут нам предстоит проанализировать злосчастное платоно-пифагорийское учение об элементах, которое у нас никто не хочет принять всерьёз и за видимой неделепостью которого никто не может увидеть здесь глубоких идей <...> Всем известно учение пифагорейцев и платоников о четырех стихиях <...> Что это такое? Можно ли думать, что греки оказались тут идиотами, взявшими тут ни с того ни с сего первые попавшиеся явления природы?* [7, с. 248].

В текстах по философии возможно использование антитезы и, соответственно, лексических антонимов. Это объясняется тем, что некоторые явления, объекты рассматриваются в свете закона единства и борьбы противоположно-

стей. На антитезе построены, в частности, некоторые научно-популярные статьи Н.А. Бердяева, вошедшие в книгу «Судьба России». Наиболее известно рассуждение о «душе России», где утверждается что *Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире* [12, с. 4] и вместе с тем *Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире* [12, с. 6]. Философ видит противоречие в отношении России и русского сознания к национальности: *Россия – самая не шовинистическая страна в мире* [12, с. 8] и *Россия – самая националистическая страна в мире, страна национального бахвальства* [12, с. 9]. *Безграничную свободу духа* Н.А. Бердяев противопоставляет *неслышанной, жуткой покорности* русского человека [12, с. 14], делая вывод: *Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоём* [12, с. 15].

В целом проанализированные тексты по лингвистике и по философии обнаруживают сходство в использовании средств создания выразительности.

Изучение выразительности научной речи предполагает выявление её гендерных особенностей. В.В. Колесов в книге «Язык и ментальность» признаёт: «Мужчины грубее, самодостаточней, жёстче женщин в проявлениях речи»; «в женской речи даже понятия эмоционально окрашены» [13, с. 216], и это замечание сделано, по-видимому, благодаря изучению преимущественно обиходно-бытового (разговорного) стиля. М.А. Ягубова, сравнивавшая оценочные средства, используемые журналистами-мужчинами и журналистками, пришла к заключению, что «в публицистических тестах женщины более осторожны в проявлении своей оценки, чем мужчины», причём «особенности мужской экспрессии проявляются в едких иронических оценках, в использовании стилистически окрашенных сниженных слов» [14, с. 72]. Есть основания предполагать, что письменная речь лингвистов так же дифференцируется в гендерном плане: женщины редко склонны к иронии, избегают употребления сниженных слов. Наши предварительные наблюдения над текстами научных работ таких авторитетных профессоров, как Н.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова, М.А. Кормили-

цына, О.Б. Сиротинина, показывают, что выразительность их речи создаётся средствами экспрессивного синтаксиса и, конечно, стройной логикой изложения идей (часто новаторских, а потому дискуссионных). Однако чтобы сделать достоверные выводы, необходимо обследование значительного по объёму материала.

Требуется развития идея Б.Н. Головина о нескольких типах выразительности речи, включая структурную, образно-эмоциональную, понятийную, смешанную: каждому функциональному стилю (и внутрителивому жанру) может быть свойствен свой тип речевой выразительности.

Список литературы

1. Головин Б.Н. Основы теории речевой культуры. Горький: ГГУ, 1977. 38 с.
2. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1980. 335 с.
3. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. 155 с.
4. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
5. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. В 2 кн. Кн. 1. Теория: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 319 с.
6. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
7. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
8. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: МГУ, 1976. 307 с.
9. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
10. Бахтин М.М., Волошинов В.Н. Антропологистика. Избранные труды / Сост. проф. К.Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2010. 255 с.
11. Головин Б.Н. О предметной отнесённости терминов «языковая семантика предложения» и «смысл высказывания» // Термин и слово. Предметная отнесённость и функционирование терминов: Межвуз. сб. науч. тр. Горький. 1983. С. 3–11.
12. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. 256 с.
13. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. 240 с.
14. Ягубова М.А. Гендерный аспект оценки в языке печатных СМИ // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. проф. М.А. Кормилициной и проф. О.Б. Сиротининой. Саратов. 2009. С. 61–73.

EXPRESSIVITY OF SCIENTIFIC SPEECH

N.N. Lavrova

Different ways are considered to create expressive texts in the fields of physics and mathematics as opposed to those in linguistics and philosophy. Active use of expressive syntactical constructions and evaluative vocabulary is explained by subjectival modality of linguistic and philosophical texts.

Keywords: expressivity, scientific genre, subjective modality.